

С.А. НЕФЁДОВ

Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции

Статья 3. Проблемы антропометрической статистики*

В статье, продолжающей дискуссию автора с Б. Мироновым (см. “ОНС”, 2010, № 5; 2011, № 3), анализируется адекватность использования последним данных о росте солдат-призывников для определения биологического статуса населения и выводов о влиянии тех или иных процессов (расцвета барщинного хозяйства, крестьянской реформы) на уровень потребления в российской деревне. Дается авторская интерпретация этих данных.

Ключевые слова: антропометрическая статистика, биологический статус, динамика роста, дефинитивный рост, источниковедение, Россия.

In article continuing discussion of the author with B. Mironov (see “ONS”, 2010, No. 5; 2011, No. 3) adequacy of use of the data about height of soldiers-recruits for conclusions about the biological status of the population and about the influence of those or other processes (blossoming of a corvee economy, the Peasant reform) on a consumption level in the Russian village is analyzed. Author's interpretation of this data is given.

Keywords: anthropometric statistics, biological status, dynamics of height, definitive stature, source study, Russia.

Книга Б. Миронова “Благосостояние населения и революции в имперской России” вызвала бурную дискуссию на страницах ведущих журналов. Опрокидывая устоявшееся представления, Миронов пытается доказать, что с начала XIX в. уровень жизни в России повышался и “самые впечатляющие успехи” были достигнуты в 1861–1914 гг. [Миронов, 2010, с. 274]. Как отмечалось в первых двух моих статьях об уровне потребления в дореволюционной России [Нефёдов, 2010; 2011⁶], дискуссия между Мироновым и его оппонентами в значительной степени сводится к анализу и интерпретации данных статистических источников. В предыдущих статьях я проанализировал на предмет достоверности и репрезентативности данные урожайной и животноводческой статистики. Настоящая статья посвящена анализу данных антропометрической статистики – тех данных, которые являются *ключевым элементом* концепции Миронова.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда-Урал (проект № 11-11-66003а/У).

Нефёдов Сергей Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург).

Проблема соотношения биостатуса и уровня потребления

Увеличение среднего роста мужского населения – главный аргумент Миронова, который, по его мнению, говорит о повышении уровня жизни. “За 50 лет, 1866–1915 г. рост увеличился на 4,5 см – с 164,5 до 169 см... Прорыв в уровне биостатуса произошел после Великих реформ, только после вступления России в эпоху рыночной экономики” [Миронов, 2010, с. 274].

Понятие “уровень жизни” достаточно неопределенное, и Миронов использует “альтернативные показатели”, выражаемые синонимами “пищевой статус”, “биологический статус”, “энергетический статус”. При этом “пищевой статус” не тождествен уровню питания. “Пищевой статус, – пишет Миронов, – это соотношение между потреблением энергии и ее затратами, а питание – это просто количество и качество потребленной пищи, вне зависимости от того, сколько ее нужно для здорового функционирования организма человека. Потребность в количестве и качестве продуктов существенно зависит от энергетических затрат... Кроме того, большое количество энергии идет на сопротивление организма инфекции и на борьбу с болезнью... поэтому эпидемиологическая среда, окружающая человека, также влияет на пищевой статус” [Миронов, 2010, с. 79].

В качестве меры пищевого или энергетического статуса выступает дефинитивный рост людей, достигаемый к моменту наступления полной физической зрелости. “Рост выступает в роли переменной, замещающей энергетический статус” [Миронов, 2010, с. 81]. В другом месте Миронов уточняет это основное положение: “Вариация среднего роста в определяющей степени зависит от *чистой* разницы между потребленной и израсходованной энергией в течение всей предшествующей жизни, другими словами, средний рост отражает *историю чистого потребления*, его можно считать историческим показателем как количества, так и качества потребленных в детстве и юности продуктов питания, так и жизненных условий своего времени” [Миронов, 2010, с. 78].

Таковы основные положения антропометрии, сформулированные автором со ссылками на Дж. Комлоса, Р. Штекеля и других авторитетов этой относительно молодой научной дисциплины [Komlos, 1989; Steckel, 1995]. Из этих положений непосредственно следует, что дефинитивный рост зависит от разницы между потреблением пищи и энергетическими затратами и что, в принципе, рост может увеличиваться при том же потреблении за счет сокращения затрат, а именно – затрат на трудовую деятельность и на борьбу с инфекциями. Само по себе увеличение роста не является свидетельством увеличения потребления пищи, оно может свидетельствовать лишь об уменьшении трудовых затрат или улучшении эпидемической обстановки.

Однако, сформулировав эти основные положения, Миронов уже на следующих страницах от них отказывается. “Реально рост отражает уровень потребления... – пишет он. – При растущем биостатусе реальные доходы *теоретически* могли... уменьшаться... Однако *фактически* в России XVIII–начала XX в. растущий биостатус говорил о том, что доходы и уровень жизни огромного большинства населения, как правило, увеличивались” [Миронов, 2010, с. 84]. Почему в России был невозможен вариант увеличения роста за счет сокращения энергетических затрат, Миронов не объясняет.

Между тем на деле, по моему мнению, такой вариант был вполне возможен. Трудозатраты в России снижались по двум причинам. Во-первых, с ростом населения уменьшалась посевная площадь, приходящаяся на душу сельского населения. С 1860-х до 1890-х гг. она сократилась с 1,05 дес. до 0,77 дес., то есть на 27% [Материалы... 1903, ч. I, с. 176]; в деревне образовался огромный излишек рабочих рук, который “Комиссия 1901 года” исчисляла в 52% [Материалы... 1903, ч. III, с. 234]. Во-вторых, росло городское население, а интенсивность городского труда была ниже, чем сельского. По данным Миронова, крестьянин в начале XX в. потреблял в среднем 3337 ккал в

день (из них усваиваемых – 2952), а горожанин – только 3040 ккал в день (усваиваемых 2677 ккал) [Миронов, 2010, с. 444, 460]. Эти данные, по-видимому, завышены [Нефёдов, 2010], но в целом верно передают соотношения в потреблении крестьян и горожан. По сведениям ЦСУ СССР, в 1924/25–1926/27 гг. горожане потребляли хлеба на 22–24% меньше, чем крестьяне [Лосицкий, 1927, с. 18]. Однако при этом средний рост горожан-мужчин, родившихся в 1900–1917 гг., был больше, чем у крестьян (соответственно, 168,9 и 168,7 см) [Миронов, 2009, с. 140]. Таким образом, урбанизация приводила к увеличению роста и к одновременному уменьшению потребления. В 1960 г. душевое потребление в СССР составляло 2978 ккал в сутки [Wheatcroft, 1999, р. 51]. Если верить данным Миронова, то это меньше, чем в начале XX в., а если опираться на данные С. Уиткрофта, то потребление в 1960 г. было равно потреблению в начале века [Wheatcroft, 1999, р. 51]. Однако средний рост мужчин, родившихся в СССР в 1960 г., составлял 174,8 см [Brainerd, 2010] – на 6 см больше, чем в начале столетия.

Миронов, комментируя антропометрическую динамику в 1920-х–1950-х гг., пишет, что “теперь мало осталось историков, которые верили бы официальной статистике того времени о непрерывном и быстро растущем благосостоянии народа”. Тем не менее “увеличение роста взрослых мужчин... начиная со второй половины 1930-х гг. налицо... Как это могло произойти в условиях непрерывного давления государства на жизненный уровень населения?... Во-первых, за счет сокращения расходов, связанных с рождением и воспитанием детей, вследствие уменьшения рождаемости; во-вторых, за счет уменьшения затрат, связанных с заболеваемостью, общей и детской смертностью... в третьих, за счет того, что значительное число ранее не работавших женщин... пошли работать за зарплату; наконец, за счет более равномерного распределения материальных благ...” [Миронов, 2004, с. 578–579].

Таким образом, в данном случае Миронов объясняет рост биостатуса сокращением энергетических затрат (в частности, на борьбу с инфекцией), не допуская мысли о повышении уровня потребления. А применительно к ситуации конца XIX–начала XX в. он придерживается противоположной позиции, безоговорочно объявляя прокламируемое им увеличение роста свидетельством повышения уровня потребления пищи. Но официальные урожайные данные конца XIX–начала XX в. не позволяют сделать вывод о повышении душевого потребления зерновых – и тогда Миронов приступает к их коррекции. Как было показано ранее, эта коррекция совершенно неправомерна [Нефёдов, 2010; 2011⁶].

Возвращаясь к ситуации 1930–1950-х гг., отмечу, что значительное увеличение роста произошло в основном за счет сокращения трудовых затрат, связанного с урбанизацией и механизацией производства, а также за счет сокращения энергетических затрат организма на борьбу с инфекциями в результате улучшения медицинского обеспечения. Но в России конца XIX–начала XX в. ситуация была во многом аналогичной ситуации в СССР: здесь тоже снижались трудовые затраты, а достижения в медицине и санитарии привели к значительному сокращению эпидемической смертности [Нефёдов, 2009; Новосельский, 1916, с. 182, 184]. Таким образом, вполне возможно, что увеличение роста (если оно действительно имело место – см. далее) было связано не с увеличением потребления пищи, а с уменьшением энергетических затрат. Нужно отметить, однако, что увеличение роста в результате урбанизации не обязательно свидетельствует о соответствующем прогрессе в общем физическом развитии. Обследование призывников 1927 г. показало, что, превосходя в росте сельчан, горожане, как правило, уступали им в весе и в объеме груди [Статистический... 1929, с. 902–909]. Это вполне согласуется с увеличением отбраковки призывников в конце XIX в. и с жалобами военного ведомства на ухудшение их физических качеств [Куропаткин, 2003, с. 176; Миронов, 2002, с. 40].

Однако, если даже увеличение роста не говорит напрямую об увеличении потребления пищи, нужно признать, что оно говорит об улучшении качества жизни – неваж-

но, за счет увеличения потребления или за счет уменьшения энергетических затрат. Поэтому необходимо проанализировать, имело ли место в действительности повышение биостатуса в период до 1917 г.?

Имело ли место увеличение роста рекрутов?

В доказательство своих слов о “прорыве в уровне биостатуса” Миронов приводит данные, почерпнутые из различных источников. Для периода 1874–1913 гг. это, во-первых, суммарные данные о росте рекрутов, агрегированные чиновниками из рекрутских присутствий; во-вторых, это индивидуальные данные, обработанные самим Мироновым. Две группы данных показывают разную динамику: если по суммарным данным средний рост увеличился на 2,2 см, то по индивидуальным данным существенного увеличения не наблюдалось [Миронов, 2010, с. 185, табл. IV.13]. Историк отдает предпочтение “суммарным” данным, показывающим увеличение роста. Однако, как было показано в одной из моих статей [Нефёдов, 2011^a], суммарные данные зависели от способа агрегирования: местные чиновники объединяли рекрутов в группы, каждой из которых приписывался рост в целое число (допустим, в N) вершков. До 1890 г. чиновники по большей части объединяли в группу с ростом N рекрутов, имевших в действительности рост от N до $N + \frac{7}{8}$ вершка. Однако после 1890 г. большинство чиновников стали приписывать рост N рекрутам, имевшим рост от $N - \frac{3}{8}$ до $N + \frac{4}{8}$ вершка. Этот переход вызвал зафиксированное документами скачкообразное увеличение роста рекрутов в одних губерниях в 1890 г., а в других – в последующие два-три года. В целом переход на другую систему обработки данных должен был дать формальное увеличение роста рекрутов на полвершка (2,2 см) – это как раз тот прирост, который фиксируют суммарные данные Миронова [Нефёдов, 2011^a].

Таким образом, рост рекрутов 1853–1892 г. рождения в реальности не увеличивался. Что же происходило дальше? Здесь необходимо сделать замечание, важное для дальнейшего изложения: Миронов привязывает рост рекрута к году его рождения. Поэтому фраза об увеличении роста в 1866–1915 гг. означает, что мужчины 1910–1915 гг. рождения в среднем имели рост на 4,5 см больше, чем мужчины 1866–1870 гг. рождения. То обстоятельство, что мужчины 1910–1915 гг. рождения в действительности жили в СССР и их рост был измерен двадцать лет спустя, Миронов не учитывает. Их рост в 169 см – это, в интерпретации Миронова, свидетельство достижений имперской России.

Но при анализе динамики роста мужчин, родившихся после 1892 г., исследователь неизбежно сталкивается с проблемой неоднородности антропометрических данных. В 1920-е гг. ростовой ценз для призывников был отменен, а возрастной ценз увеличился с 20 до 21 г., поэтому данные о росте новобранцев 1920–1930-х гг., строго говоря, не сопоставимы с данными начала XX в. Тем не менее Миронов помещает их в одной таблице, и упомянутый выше рост в 169 см – это именно рост новобранцев 1930-х гг. Миронов обычно старается корректировать ростовые данные, учитывая возраст, ростовой ценз, социальную принадлежность, национальность и т.д.; после такой коррекции “методом наибольшего правдоподобия” получается рост так называемой “референтной группы”. “Метод наибольшего правдоподобия” иногда приводит Миронова к явно *неправдоподобным* результатам (например, он указывает на уменьшение роста москвичей 1872–1873 гг. рождения на 5,5 см, уменьшение роста одесситов 1889–1891 гг. рождения на 12,3 см и т.д.) [Миронов, 2010, с. 763]. Однако для новобранцев, родившихся после 1900 г., Миронов отказывается от такой коррекции, приводя лишь некие “выборочные средние по индивидуальным и суммарным данным” [Миронов, 2010, с. 273, табл. VI.1]. Каким образом подсчитываются “выборочные средние” – не известно, а источники “индивидуальных и суммарных данных” для 1901–1920 гг. не указываются. Однако, поскольку эти “выборочные средние” в точности равны поме-

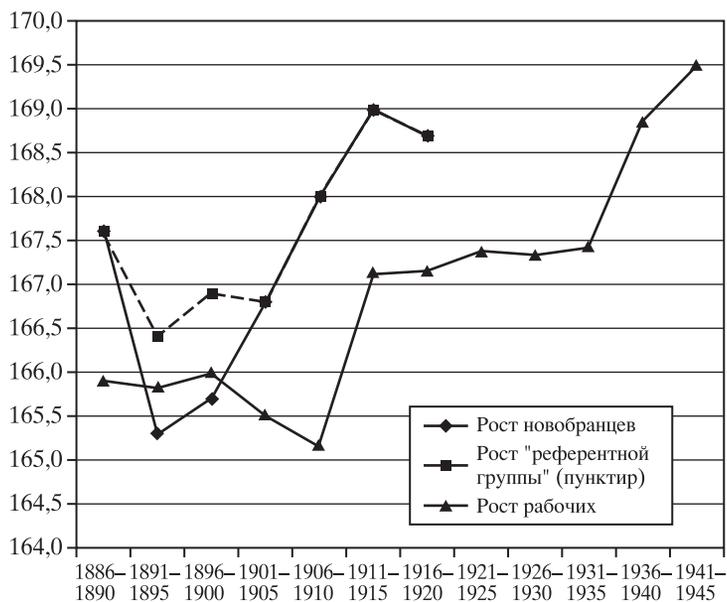

Рис. 1. Динамика роста новобранцев и рабочих (по годам рождения, в см) [Миронов, 2010, с. 273; Зенкевич, Алмазова, 1978, с. 64–71].

щенному в той же таблице росту новобранцев, то, очевидно, это и есть рост новобранцев – то есть имеющиеся данные о росте рабочих тут не учитываются.

Итак, обратимся к анализу данных Миронова о росте новобранцев, родившихся после 1891 г. (см. рис. 1). Если принимать во внимание лишь нескорректированные данные, то в 1891–1895 гг. происходит подлинная катастрофа: рост рекрутов уменьшается на 2,3 см. Но для 1891–1900 гг. (в отличие от последующего периода) Миронов все же пытается скорректировать катастрофические результаты “методом наибольшего правдоподобия”. Коррекция уменьшает падение до 1,2 см, но и в этом случае масштабы катастрофы впечатляют. Миронов предпочитает не объяснять, в чем заключалась причина этой катастрофы, омрачившей “самые впечатляющие успехи”. Катастрофа не может быть объяснена голодом 1892 г.: по данным антропометрической кривой, тяжелое положение сохранялось вплоть до 1905 г., после чего, собственно, и начинается “прорыв в уровне биостатуса”. За 1905–1915 гг., несмотря на революцию 1905–1907 гг., рост мужчин увеличивается на 2,2 см, демонстрируя феноменальное повышение жизненного уровня. И даже во времена революции 1917 г. и гражданской войны жизненный уровень остается достаточно высоким: сравнительно с процветанием 1911–1915 гг. рост мужчин уменьшается лишь на 0,3 см.

В чем же причина загадочной катастрофы 1891–1900 гг. и как объяснить сохранение высокого уровня жизни во время гражданской войны? Как отмечалось выше, Миронов в новой книге использует лишь данные о росте новобранцев. Однако в литературе имеются и данные о росте рабочих, которые использовались историком в одной из предыдущих работ [Миронов, 2004]. Это материалы П. Зенкевича и Н. Алмазовой, которые приводят данные антропометрических обследований, проведенных в 1927, 1957 и 1975 гг., когда в разных городах России было измерено 17 тыс. мужчин разных возрастов [Зенкевич, Алмазова, 1978, с. 64–71]. Известно, что после достижения совершеннолетия рост людей практически не меняется, поэтому, к примеру, средний рост 50-летних мужчин, замеренный в 1975 г., можно принять за средний рост мужчин, родившихся в 1925 г. Таким образом, данные указанных антропометрических обследований позволяют с определенной точностью восстановить средний рост

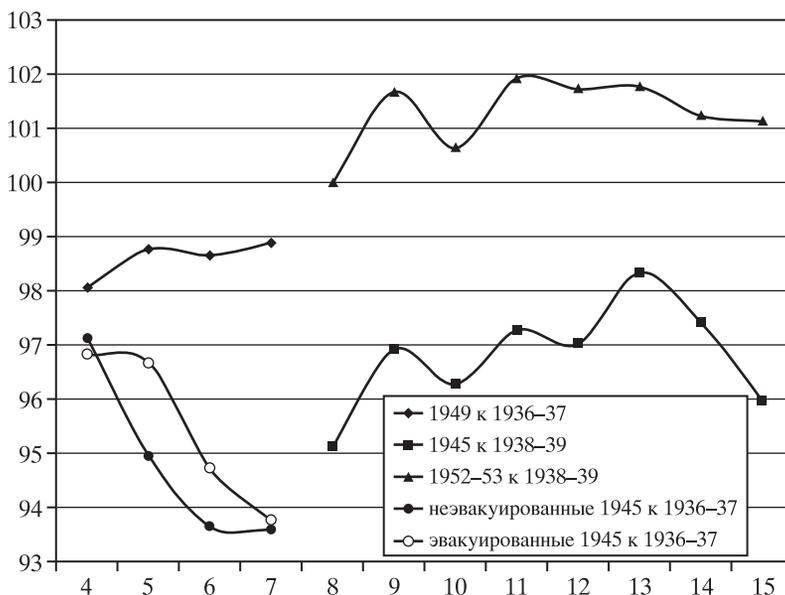

Рис. 2. Рост детей, перенесших войну, в процентах к росту их довоенных сверстников. На нижней шкале отмечен возраст в момент обследования [Физическое... 1964, с. 6, 10; Шнитникова, 1963, с. 13].

мужчин в изучаемый нами период. Миронов использует лишь данные обследования 1975 г., но я воспользовался также данными 1927 и 1957 г.; в тех случаях, когда обследования дают различающиеся величины среднего роста для мужчин-сверстников, я усреднил эти величины с весами, соответствующими количеству людей, принимавших участие в обследованиях (при этом мужчины моложе 21 года из рассмотрения были исключены).

Данные о рабочих дают существенно иную антропометрическую динамику, нежели данные Миронова: они не показывают катастрофы в 1891–1895 гг., катастрофа смещается на 1901–1910 гг., а в 1911–1915 гг. наблюдается огромный скачок роста. Кроме того, на всем промежутке 1881–1920 гг. рост мужчин оказывается существенно меньшим, чем по “выборочным средним” Миронова (см. рис. 1). Но главное заключается не в этих противоречиях. Если продолжить исследование антропометрической динамики в последующий период, то получаются удивительные результаты. По данным Зенкевича и Алмазовой, рост очень мало менялся до 1935 г., но затем в 1935–1940 гг. произошло увеличение роста на 1,4 см, а в 1941–1945 гг. – еще на 0,6 см. Между тем в 1942 г. продовольственное потребление рабочих упало по сравнению с 1939 г. на 25% [Чернявский, 1964, с. 179]. Каким образом в условиях тяжелой войны 1941–1945 гг. и массового недоедания могло наблюдаться значительное увеличение биостатуса?

Увеличение роста мужчин, родившихся во время войны, по сравнению с их довоенными сверстниками, отмечают и другие авторы – в том числе Е. Брайнерд, которая использовала данные антропометрических обследований 1992 и 1994 гг. Брайнерд предполагает, что рост родившихся в войну детей увеличился в послевоенные годы, когда продовольственное положение улучшилось, то есть имел место “догоняющий рост”. Она отмечает, что это явление не было уникальным для Советского Союза, что подобное увеличение роста детей, родившихся во время Второй мировой войны, имело место также в Англии [Brainerd, 2010].

Можно проверить предположение Брайнерд, исследуя динамику роста детей, переживших блокаду Ленинграда. Как отмечалось выше, Миронов полагает, что дефинитивный рост людей определяется уровнем их жизни в младенчестве; следовательно, тяжелые испытания, которые перенесли эти дети, должны были существенным образом отразиться на их росте – как в юности, так и во взрослые годы. В моем распоряжении имеются результаты нескольких обследований, проведенных в школах и детских садах Ленинграда в 1936–1937, 1938–1939, 1945 и 1952–1953 гг. На графиках (см. рис. 2) показан рост мальчиков и юношей, перенесших войну, в процентах к росту их довоенных сверстников.

Как видно из соотношения роста детей четырех–семилетнего возраста, измеренных в 1945 и 1936–1937 гг., более всего пострадали мальчики семилетнего возраста, которые родились еще до войны (см. левый нижний график). В 1952–1953 гг. этим детям было 14–15 лет; и как можно видеть на правой верхней кривой, они уже превосходили в росте своих сверстников, измеренных в 1938–1939 гг. Что касается младенцев, родившихся во время войны, то в 1949 г. им было 4–8 лет, и как показывает верхняя левая кривая, они еще уступали в росте своим сверстникам, измеренным в 1936–1937 гг. В 1952–1953 гг. им было от 8 до 12 лет, и они были не меньше ростом по сравнению с довоенными сверстниками, измеренными в 1938–1939 гг. Правый нижний график показывает, что из детей более старшего возраста тяжелее всего перенесли войну восьмилетние и пятнадцатилетние. Восьмилеткам 1945 г. в 1952 г. было 15 лет и, как видно из правого верхнего графика, к этому времени они успели восстановиться, а о дальнейшем росте пятнадцатилетних соответствующих сведений нет. Однако обследование московских юношей, которым в 1943 г. было 13–18 лет, показало, что ухудшение питания во время войны привело к уменьшению их дефинитивного роста [Властовский, 1976, с. 83]. Что касается более младших возрастов, то в Москве “догоняющий рост” протекал еще быстрее, чем в Ленинграде, и к 1950 г. школьники 8–15 лет уже не уступали в росте своим довоенным сверстникам. В 1957 г. родившиеся во время войны пятнадцатилетние мальчики были на 5% выше довоенных одногодок [Цейтлин, 1963, с. 68].

Итак, дети в благоприятных условиях сравнительно быстро восстанавливаются от последствий голода, перенесенного в младенчестве, и пример блокадного Ленинграда показывает, что дефинитивный рост практически не зависит от уровня потребления в первые годы жизни. “Конечный рост когорты... – отмечал С. Хок, – может зависеть от различных факторов, действующих через значительный промежуток времени... Миронов неправ в своем предположении, что причина различий роста в последовательных когортах рождения ограничена событиями, происходящими на первом году жизни в старшей когорте” [Hoch, 1999, p. 67]. “Не является очевидным то, что антропометрические индикаторы отражают уровень жизни исключительно в год рождения”, – писал М. Эллман [Эллман, 2005, с. 164]. Уиткрофт указывал, что голод мог привести к смерти младенцев, но если они выживали, то были все шансы, что их рост догонит рост незатронутых голодом детей, особенно в периоды всплеска роста [Wheatcroft, 1999, p. 44].

Итак, очевидно, что методология Миронова неверна: рост не является характеристикой уровня жизни исключительно в год рождения. “Это серьезный статистический недостаток, который подрывает все последующее обсуждение”, – писал Хок [Hoch, 1999, p. 67]. Отсюда, конечно, следует, что данные о росте мужчин, родившихся в 1905–1920 гг., не могут использоваться как свидетельство “впечатляющих успехов” царской России.

Интерпретация динамики антропометрических данных

Но о чем же в действительности говорит динамика антропометрических данных? О чем говорит “прорыв в уровне биостатуса” в 1905–1920 гг.? Конечно, дефинитивный рост человека зависит от условий, складывавшихся на протяжении его жизни вплоть до совершеннолетия. Однако наибольшее значение имеет уровень питания в период “пубертатного скачка” (или “всплеска роста”), который в современных услови-

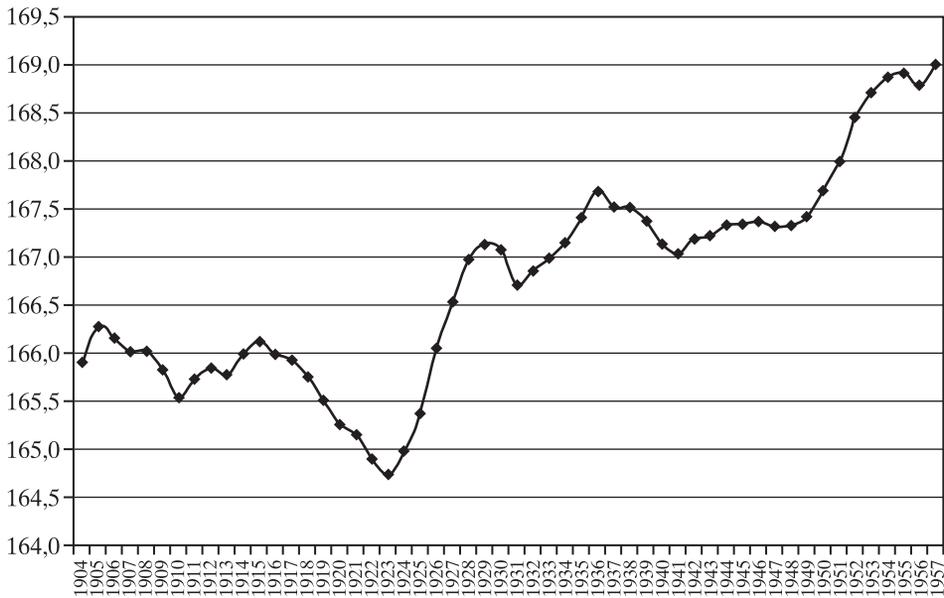

Рис. 3. Динамика среднего роста мужчин (в см).

ях происходит в 13–16 лет. В этот период в связи с резким ускорением роста организм чутко реагирует на условия питания. Как отмечалось выше, голод военных времен не отразился на московских детях до 13-летнего возраста, но не прошел бесследно для юношей, которым было 13–18 лет. Таким образом, можно утверждать, что дефинитивный рост отражает условия жизни человека, в основном, в период пубертатного скачка. В исследуемый период этот скачок происходил позже, чем в наше время. Стабилизация длины и пропорций тела сейчас наступает у мужчин уже к 18–19 годам, тогда как ранее это отмечалось в 22–25 лет [Хрисанфова, Перевозчиков, 1991, с. 128]. Соответственно этому сдвигу можно полагать, что до середины XX в. пубертатный скачок происходил в 14–18 лет.

Итак, чтобы примерно оценить уровень жизни, скажем, в 1910 г., нужно подсчитать средний дефинитивный рост людей, которым в 1910 г. было 14–18 лет, то есть людей, которые родились в 1892–1896 гг. У нас нет годовых данных Миронова, но если воспользоваться данными Зенкевича и Алмазовой, то получается следующая картина (см. рис. 3).

Конечно, мой метод не претендует на абсолютную точность, и в качественной картине происходящих перемен возможен сдвиг в один–два года. С учетом этого замечания можно проанализировать предположительную динамику уровня жизни. Итак, после 1905 г. уровень жизни начинает падать, и это падение продолжалось до голода 1910–1911 гг., затем до 1915 г. потребление возрастает, а с 1916 г. начинает уменьшаться. Период гражданской войны и последующих голодовок заканчивается к 1923 г. катастрофическим уменьшением среднего роста мужчин на 1,5 см. Далее начинается впечатляющий подъем уровня жизни: к 1929 г. рост мужчин увеличился на 2,3 см и на 1,0 см превзошел уровень 1916 г. Это – достижение нэпа, которое Миронов выдает за “впечатляющие успехи” царской власти. Что же касается предшествующей этому успеху загадочной катастрофы (которую показывают данные Миронова), то это – не что иное, как катастрофа гражданской войны и послевоенного голода.

Продолжая анализ, можно заметить, что после 1930 г. происходит падение уровня жизни, связанное с коллективизацией и голодом 1932–1933 гг. Замечу, что данные Зенкевича и Алмазовой относятся к городскому населению России, и они не отражают того, что происходило в это время на Украине. Однако после 1933 г. начинается рост

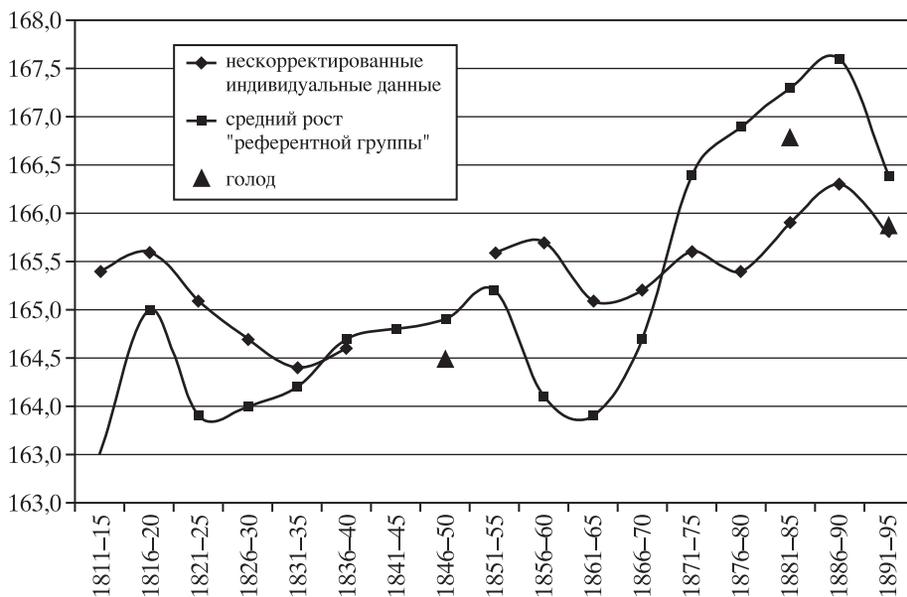

Рис. 4. Динамика роста мужчин (по годам рождения в см) [Миронов, 2010, с. 175, 185, 273].

уровня жизни, и по антропометрическим данным к 1936 г. он превосходит уровень 1929 г. Война 1941–1945 г. приводит к падению потребления, и рост мужчин уменьшается на 0,8 см. Нужно отметить, что для данных 1930-х и 1940-х гг. мои расчеты ускоряют реальные события на один–два года. После войны нехватка продовольствия продолжалась до 1950 г., но затем начинается быстрое и устойчивое улучшение. Таким образом, можно констатировать, что антропометрические данные дают полезные дополнительные сведения об уровне потребления – нужно лишь уметь их использовать.

Обращусь теперь к интерпретации антропометрических данных для XIX в. В этом случае Миронов дает две группы данных: исходные данные среднего роста новобранцев (индивидуальные и суммарные) и скорректированные данные для “референтной группы”. Если разместить эти данные на графике, то получается следующая картина (см. рис. 4).

Анализируя динамику роста “референтной группы”, Миронов пишет, что XIX в. делится на три периода, “в первом и третьем, 1801–1855 гг. и в 1866–1910 гг. происходило улучшение здоровья населения, увеличение его среднего роста, веса, силы в результате повышения уровня жизни, а во втором, в 1856–1865 гг. – ухудшение здоровья, уменьшение роста, веса, силы вследствие понижения благосостояния” [Миронов, 2010, с. 486]. Таким образом, согласно Миронову, в эпоху расцвета барщинного крепостничества происходило “улучшение здоровья населения в результате... повышения уровня жизни”, а вот во времена отмены крепостничества – “ухудшение здоровья... вследствие понижения благосостояния”. Напомню, что одна из статей Миронова, опубликованная в журнале “Родина”, так и называется: “Вперед к крепостничеству!” [Миронов, 2003]. Миронов как бы не замечает катастрофического голода 1848 г., несколько нарушающего крепостническую идиллию: по его данным, этот голод (так же, как голод 1882–1883 гг.) приходится на вполне благополучное время.

Что касается последующего периода, 1855–1895 гг., то, как отмечалось выше, расчеты исследователя основаны на искаженных “суммарных” данных, поэтому они не могут свидетельствовать о повышении уровня жизни. Расчетные данные 1801–1865 гг. также противоречат относительно точным первичным индивидуальным данным, поэтому имеет смысл отказаться от использования скорректированных данных Миронова и рассматривать только первичные индивидуальные данные. Конечно, эти данные

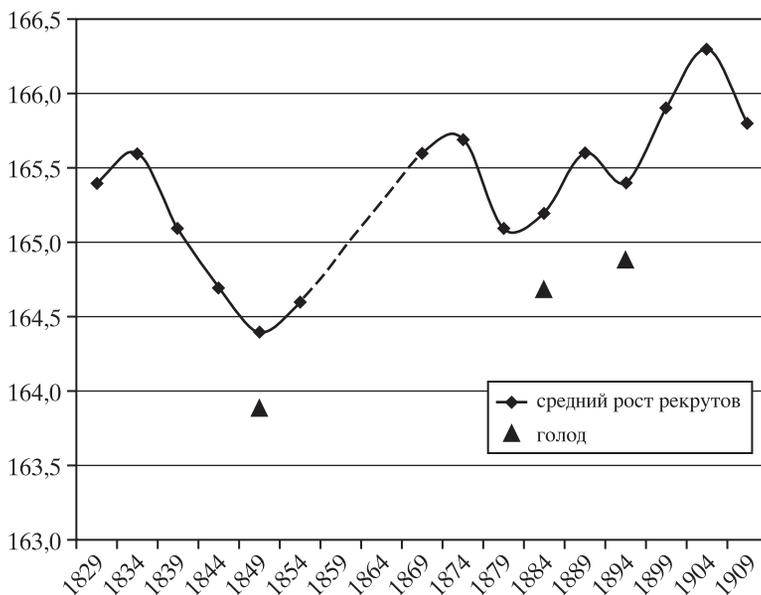

Рис. 5. Динамика роста мужчин (в см).

содержат определенную погрешность, но она не столь велика, как погрешность скорректированных данных историка.

Познакомившись с интерпретацией Мироновым приводимых им антропометрических данных, можно внести необходимые поправки. Как отмечалось выше, он привязывает данные о дефинитивном росте к году рождения, но в действительности их следует относить к периоду пубертатного скачка. Таким образом, для того, чтобы оценить уровень жизни, например, в 1849 г., нужно найти средний дефинитивный рост мужчин, которым в 1849 г. было 14–18 лет, то есть мужчин 1831–1835 гг. рождения. Принимая во внимание это обстоятельство и используя первичные индивидуальные данные Миронова, получая следующую картину (см. рис. 5).

Для некоторых годов Миронов не приводит первичных индивидуальных данных, поэтому пришлось заполнить эти промежутки пунктиром. Тем не менее картина получается достаточно ясная и логичная: годы голода теперь приходится на минимумы кривой. Известно, что в 1820-х гг. рента резко возросла [Нефёдов, 2005, с. 204–207], но, как показывают антропометрические данные, это не сразу сказалось на уровне жизни. Однако после 1834 г. средний рост мужчин начинает быстро уменьшаться, и в конечном счете, расцвет барщинного хозяйства заканчивается голодом 1848 г. Таким образом, вопреки интерпретации Миронова, нет никаких оснований идеализировать крепостническую эпоху и утверждать, что в этот период “происходило улучшение здоровья населения в результате... повышения уровня жизни” [Миронов, 2010, с. 486].

После голода 1848 г. помещики уже не могли увеличивать оброки, и инфляция в период Крымской войны значительно обесценила ренту [Нефёдов, 2005, с. 208–209]. Потребление стало увеличиваться; этот процесс был ускорен освобождением крестьян, и к 1874 г. средний рост мужчин увеличился на 1,3 см. Таким образом, вопреки Миронову, освобождение крестьян привело не к падению, а к увеличению потребления. Далее произошло замедление роста, связанное с нарастающим аграрным перенаселением и малоземельем. Антропометрическая кривая колебалась, и в 1909 г. рост мужчин был практически таким же, что и в 1874 г. Как отмечалось выше, в этот период стало сказываться сокращение энергетических затрат за счет уменьшения крестьянских наделов и сокращения инфекционных заболеваний, поэтому некоторое

повышение биостатуса в 1884–1904 гг. нельзя рассматривать как свидетельство увеличения потребления пищи.

В итоге можно прийти к выводу, что интерпретация антропометрических данных, которую предлагает Миронов, не является адекватной, но сами по себе эти данные не противоречат существующим представлениям о динамике уровня жизни в России и СССР.

* * *

В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация, когда маститый ученый, затратив много сил на получение весьма полезных антропометрических данных, к сожалению, неверно их трактует. Эта ошибочная интерпретация создает картину преуспевающего императорской России. Миронов энергично популяризирует эту картину – и не только на страницах глянцевого журнала. Но идиллическая картина “роста биостатуса” вступает в противоречие с обширным массивом статистических и нарративных источников – с теми источниками, которые каждый день используют сотни историков. Эту ситуацию еще 12 лет назад в полемике с исследователем обрисовал Хок: “В конце концов, как и многие другие, Миронов выяснил, что сдвиг в росте не коррелирует с другими показателями благосостояния. И тогда Миронов отвергает объективность этих показателей. Учитывая все проблемы антропометрической истории, такой подход не представляется оправданным” [Hoch, 1999, p. 69]. Вместо того чтобы “учесть проблемы антропометрической истории”, решить проблему интерпретации антропометрических данных, Миронов обрушился с критикой на источниковую базу, стал переделывать статистические и нарративные данные, чтобы привести их в соответствие с “ростом биостатуса”. Но историки, каждый день работающие с “другими показателями”, были возмущены таким насилием – и в ответ они отвергли не только методы Миронова, но и всю антропометрию (и лежащую в ее основе математическую статистику). В. Булдаков прямо заявил, что антропометрические методы Миронова “аморальны”, что к истории людей “нельзя подходить как к истории скотов, набирающих или теряющих вес” [Булдаков, 2011, с. 173]. После предыдущей попытки “переделать” историю, которую предприняли математики во главе с А. Фоменко, такая реакция вполне естественна.

Таким образом, историкам и математикам, работающим с антропометрическими данными, приходится начинать сначала – с восстановления авторитета своей научной дисциплины. Необходимо снова детально рассмотреть вопрос о репрезентативности российских антропометрических данных и найти методы согласования их с “другими показателями”. Как я пытался доказать, это – не такая уж сложная задача.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булдаков В.П. Важно не то, сколько мяса у человека во щах, а что он думает об этом // Российская история. 2011. № 1.

Властовский В.Г. Акселерация роста и развития детей. М., 1976.

Зенкевич П.И., Алмазова Н.Я. Об изменении размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет // Проблемы размеров антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978.

Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб., 2003.

Лосицкий А. Динамика потребления хлебных продуктов в СССР в связи с реконструкцией питания // Статистическое обозрение. 1927. № 12.

Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. В 3 ч. СПб., 1903.

Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII–начало XX века. М., 2010.

Миронов Б.Н. Вперед к крепостничеству! // Родина. 2003. № 8.

Миронов Б.Н. Жизненный уровень в Советской России при Сталине по антропометрическим данным // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004.

Миронов Б.Н. Модернизация имперской России и благосостояние населения // Российская история. 2009. № 2.

Миронов Б.Н. “Сыт конь – богатый, голоден – сирота”: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX–начала XX века // Отечественная история. 2002. № 2.

Нефёдов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005.

Нефёдов С.А. О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX–начала XX века // Российская история. 2009. № 2.

Нефёдов С.А. Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011^а. № 5.

Нефёдов С.А. Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2010. № 5.

Нефёдов С.А. Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции. Статья 2 // Общественные науки и современность. 2011^б. № 3.

Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. Статистический справочник СССР за 1928. М., 1929.

Физическое развитие детей дошкольного и школьного возраста. Л., 1964.

Хрисанфова Е.Н., Первозчиков Н.В. Антропология. М., 1991.

Цейтлин А.Г. Физическое развитие детей и подростков. М., 1963.

Чернявский У.Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). М., 1964.

Шнитникова З.З. Физическое развитие детей дошкольного возраста Ленинграда // Здравоохранение Российской Федерации. 1963. № 12.

Элман М. Витте, Миронов и ошибочное использование антропометрических данных // Экономическая история. Обзорение. Вып. 11. М., 2005.

Brainerd E. Reassessing the Standard of Living in the Soviet Union: an Analysis Using Archival and Anthropometric Data // The Journal of Economic History. 2010. Vol. 70.

Hoch S. Tall Tales: Anthropometric Measures of Well-Being in Imperial Russia and the Soviet Union, 1821–1960 // Slavic Review 1999. Vol. 58. № 1.

Komlos J. Nutrition and Economic Development in the Eighteenth-Century Habsburg Monarchy. Princeton, 1989.

Steckel R. Stature and the Standard of Living // Journal of Economic Literature. 1995. Vol. 33.

Wheatcroft S. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960 // Slavic Review. 1999. Vol. 58.

© С. Нефёдов, 2012